

**К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ
(по данным языкознания)**

В последние два десятилетия прибалтийско-финское языкознание накопило обширный лингвистический материал, который в совокупности с появившимися археологическими и историческими данными позволяет во многом по-иному взглянуть на историю прибалто-финнов и саамов. Принципиально новыми являются попытки решить проблему соотношения лингвистических данных с археологической хронологией. К определенному несоответствию между ними приводят два существенных момента.¹

Во-первых, освоение территорий не ведет к одновременной смене там языка. В приложении к интересующему нас ареалу это значит, что к тому времени, когда авангард финно-угров в своем продвижении из Поволжья на запад достиг Прибалтики, население, заселявшее обширные пространства от Поволжья до Восточной Прибалтики, продолжало сохранять то языковое состояние, которое сложилось в ходе распада финно-угорской языковой общности в Поволжье и объединяло предков современных волжско-финских и прибалтийско-финских народов. Лишь постепенно накапливающиеся на разных полюсах этого языкового единства диалектные изменения привели к прекращению возможности языкового взаимопонимания. Должно было пройти от 500 до 1000 лет, прежде чем диалекты единого языка трансформировались в разные языки (прибалтийско-финские и волжско-финские). С этим связано «запаздывание» лингвистической хронологии по сравнению с археологической.

Во-вторых, существует определенный период «привыкания», который должен пройти от начала контактов с иноязычным на-

© А. С. Герд, И. И. Муллонен, Н. Н. Мамонтова, 1995

¹ Korhonen M. Suomen kantakielen kronologiaa//Virittäjä, 1976. S. 3—15.

селением до языкового контактирования, восприятия заимствований. Проникновение балтизмов в финские языки, столь важное для определения статуса прибалтийско-финско-саамского праязыка, начинается примерно через полтысячелетия после появления археологической культуры балтийского типа в зоне распространения финских языков.

С учетом отмеченных моментов языковая периодизация выглядит таким образом: финско-волжский период завершился приблизительно к 1500 г. до н. э. и к этому же времени относится соответственно начало периода прибалтийско-финско-саамской языковой общности, носители которой расселяются на обширных просторах от Верхневолжья до Прибалтики. Спустя 500 лет эта общность распадается на непосредственных предков прибалто-финнов и саамов.

Теория прибалтийско-финской-саамской языковой общности теснейшим образом сопряжена с этнической историей саамов. В лингвистике существует несколько гипотез этногенеза саамов. Эти гипотезы могут быть сведены практически к двум. Одна из них считает саамов потомками некоего арктического народа (возможно, самодийцев), сменившего язык в результате контактов с финно-уграми. В качестве доказательства сторонники данной гипотезы К. В. Виклунд, Э. Н. Сетяля, Ю. Х. Тойвонен, Г. М. Керт оперируют прежде всего данными саамской лексики, включающей, по их мнению, существенный нефинно-угорский пласт.²

Другая теория хронологически и территориально привязана к общему процессу распада финно-угорской языковой семьи, в частности ее западной ветви. Согласно этой теории, впервые в целостном виде изложенной финским лингвистом Э. Итконеном, саамы являются ближайшими языковыми родственниками прибалто-финнов, восходящими к общему праязыку. Основываясь на балтийских заимствованиях, он (а за ним М. Корхонен) очерчивает следующий ареал носителей прибалтийско-финско-саамской языковой общности: основная масса их проживала к югу от Финского залива, причем предки саамов населяли территорию, расположенную между Ладожским, Онежским и Белым озерами, распространяясь на восток вплоть до ареала расселения волжских и пермских финнов.³ Восточная граница прибалтийско-финско-саамской языковой общности расплывчата, однако есть определенные языковые факты, позволяющие привязывать ее к юго-восточному Заволочью: Архангельская область (до реки Мезени) и Волго-Двинское междуречье (восток Вологодской и север Костромской обла-

² Керт Г. М. Саамский язык (Кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис. Л., 1971. С. 7—8.

³ Itkonen E. Suomalais-ugrilaisen kielen-ja historian tutkimuksen alalta. Helsinki, 1961. S. 100—101; Korhonen M. Op. cit. S. 5—7, 11—13.

стей), где в русской диалектной лексике и топонимии обнаруживается субстрат, занимающий промежуточное положение между прибалтийско-финскими, волжскими и пермскими языками.⁴ Западная и северо-западная граница устанавливается на основе германских заимствований, которые традиционно относятся к концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э.⁵ Исследования финляндского лингвиста Е. Койвулеhto в области прибалтийско-финско-германских языковых контактов позволяют значительно удревнить их начало и возводить их к 1500—1000 гг. до н. э. Следовательно, уже в этот период носители прибалтийско-финско-саамского праязыка проникли на северное побережье Финского залива — район контактов с германцами.⁶ Причем северного побережья Финского залива достигла не только та часть прибалтийско-финско-саамского населения, на основе которой позднее сформировались прибалто-финны, но и предки саамов. Судя по ранним германизмам в саамском языке, западная граница расселения саамов проходила в этот период (на рубеже I—II тыс. до н. э.), очевидно, на территории юго-восточной Финляндии.⁷

Распространение германского влияния повлекло за собой распад к I тыс. до н. э. прибалтийско-финско-саамской языковой общности. На территории северной Финляндии и Карелии произошло соприкосновение с автохтонным доприбалтийско-финско-саамским населением Фенноскандии, этническая принадлежность которого не вполне ясна, хотя присутствие уральского элемента, кажется, не вызывает сомнения. В результате ассимиляции этого населения предки саамов перенимали определенные языковые и этнические особенности, отличавшие их от прибалто-финнов.⁸

В дальнейшем саамский язык прошел в своем развитии два этапа: прасаамский, продолжавшийся примерно до VIII в. (I тыс. до н. э. — 700 г. н. э.), и период формирования и развития саамских диалектов. Первый этап разворачивался на обширных просторах Европейского Севера (вся территория

⁴ Матвеев А. К. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории севера европейской части СССР: Дис. докт. филологии. М., 1970; Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья//Этимологические исследования/Отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1981. С. 2—45.

⁵ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1975. С. 8.

⁶ Koiwulehto J. Itämerensuomalais-germaaniset kosketukset//Suomen väestön esihistorialliset juuret. Tvärminnen symposiumi 17—19.01.1980. Helsinki, 1984.

⁷ Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981. С. 36—37.

⁸ Itkonen T. Kantasuomen nurteiden ja kantalapin yhteydet sanaston valossa//Cohggressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars III. Turku, 1980. S. 223—238; Itkonen E. Einige Gesichtspunkte zur Frühgeschichte der Lappen und Lappischen//Suomen ugrilaisen seura. N 76. 1980 S. 5—21.

Финляндии, Карелии и южное Присвирье), при этом Онежско-Ладожский перешеек был своеобразным центром, откуда саамы совершали походы на север вплоть до Ледовитого океана.⁹ Убедительные следы саамского субстрата обнаруживаются и в топонимии Русского Севера, в частности в треугольнике между устьем Онеги, верховьями Пинеги и Белым озером.

Обширная территория, населенная предками саамов, не могла быть единой в смысле языка: в Заволочье выделяются белозерские и двинские саамы.¹⁰ В западной части саамского ареала (Финляндия, Карелия) уже в первой половине I тыс. н. э. в результате продвижения саамов на север, в Приполярье, произошло разделение праязыка на северный и южный диалекты. Южный диалект позже был полностью поглощен языком предков финнов и карелов в процессе освоения ими севера. Все современные саамские диалекты унаследовали северный прадиалект.¹¹

Современное диалектное членение саамского языка сложилось в результате постепенного освоения северного побережья Фенноскандии. Кольский полуостров начал осваиваться саамами еще в VIII в., причем один поток освоения шел непосредственно с территории Карелии, другой, видимо, с юго-востока, с территории нынешней Архангельской области. С вхождением в состав новгородских земель (XII в.), а особенно с основанием православных монастырей в Печенге и на Соловках, начинается проникновение русского влияния на говоры кольских саамов. Оно ощущается и в языке норвежских и финских саамов.¹²

Язык прибалто-финнов к моменту отделения предков саамов (приблизительно I тыс. до н. э.) также не представлял единого целого. В прибалтийско-финском языкознании еще в начале этого века было замечено деление современных прибалтийско-финских языков на две группы: северную (северо-восточную) и южную (юго-западную) и высказано предположение о том, что оно отражает диалектное членение прибалтийско-финского праязыка. В дальнейшем лингвисты активно разрабатывали эту плодотворную идею. В частности, в последних работах Т. Итконена выдвинута гипотеза деления поздней формы прибалтийско-финского праязыка на три территориально относительно компактных диалекта — северный, южный и восточный.¹³ Восточный диалект, по Т. Итконену, бытовал

⁹ Itkonen E. Suomalais-ugrilaisen kielen-ja historian tutkimuksen alalta. S. 118.

¹⁰ Матвеев А. К. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 10.

¹¹ Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981. S. 49.

¹² Korhonen M. Op. cit. S. 51.

¹³ Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 1983. S. 190—229, 349—386.

предположительно на восточном берегу Чудского и Псковского озер, откуда в начале I тыс. до н. э. начал распространяться по двум направлениям: во-первых, огибая Псковское и Чудское озера, на территорию южной Эстонии, во-вторых, на север, в Приладожье. Черты восточного прадиалекта наблюдаются в южном диалекте эстонского языка, в водском, карельском и вепсском языках. По другой гипотезе восточный прадиалект (приладожский) сформировался в Приладожье на основе рано выделившегося из северного диалекта элемента и принадлежит общим предкам карел и вепсов. Позднее он вновь попал под мощное влияние материнского северного диалекта, что повлекло за собой разделение предков карел и вепсов: последних это влияние коснулось в меньшей степени.¹⁴ Центр распространения северного прадиалекта располагался в юго-западной Финляндии, причем начало его формирования относится, видимо, к эпохе бронзы (не позднее I тыс. до н. э.), когда предки финнов, появившиеся на северном побережье Финского залива, вступили в контакт с древними германцами. Ко второй половине I тыс. н. э. представители северного прадиалекта достигают Приладожья, где встречаются с носителями восточного прибалтийско-финского прадиалекта. В результате слияния этих двух языковых потоков складывается основа восточных диалектов финского, карельского, связанного с ним ижорского, а также вепсского языков. Древние вепсы как народность сложились в юго-восточном и южном Приладожье, на северном и северо-западном берегу Ладожского озера формировались древние карелы.

Наконец, южный прибалтийско-финский прадиалект, согласно Т. Итконену, сформировался на территории Эстонии и северной Латвии.

Следующий этап в развитии прибалтийско-финской языковой семьи — это формирование на основе прадиалектов самостоятельных, обособленно развивающихся языков. В соответствии с языковыми данными древнейшими группировками считаются ливы, южные и северные эстонцы, карелы и вепсы¹⁵ и хяме (емь).¹⁶ Язык ливов, осевших вокруг Рижского залива, в бассейнах рек Западной Двины и Гауи, а также на Курземском полуострове, складывался на базе южного прадиалекта. Следы последнего продолжают существовать и в северноэстонском диалекте, а также в сочетании с определенными элементами восточного прадиалекта в южноэстонском. Граница меж-

¹⁴ Sammallahti P. Suomalaisen esihistorian kysymyksiä//Virittäjä. 1977. S. 119—136; Leskinen H. Suomen murteiden historia. P. 3. Jyväskylä. 1981.

¹⁵ Аристэ П. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития//Вопросы этнической истории эстонского народа/Отв. ред. Х. А. Моор. Таллинн, 1956. С. 15.

¹⁶ Основы финно-угорского языкознания... С. 8.

ду южными и северными эстами проходила примерно там же, где в настоящее время проходит граница между южноэстонской и северноэстонской диалектной областью. При этом южные эстонцы занимали территорию современной северной Латвии, а область распространения северных эстонцев простиралась на восток за реку Нарову, где с течением времени на базе северноэстонского диалекта развился самостоятельный водский язык. Прибрежная же часть распространения северного диалекта рано обособилась в самостоятельный северновосточный диалект эстонского языка.¹⁷

Весьма важную роль в этнической истории населения Европейского северо-запада СССР, в том числе и Русского Севера, сыграли и вепсы, и карелы.

Сведения о вепсах, выявляющиеся на основе лингвистических изысканий, довольно скудны. Отправным пунктом служат исследования Д. В. Бубриха, в которых выдвигается точка зрения о локализации вепсов в конце I тыс. н. э. на юго-восточном побережье Ладожского озера, между Волховом и Свирью, откуда происходило освоение территории в направлении Белого озера, Верхневолжского бассейна, Онежского озера и далее Заволочья и на Онежско-Ладожский перешеек.¹⁸

По мнению Д. В. Бубриха, для обозначения вепсского населения русские письменные источники оперировали двумя этнонимами: *чудь* и *весь*, причем слово *весь* однозначно привязывалось к Белозерью и уже к концу IX в. н. э. исчезло из документов, а *чудь* территориально включилось в приладожский ареал, причем этим этнонимом обозначались, по-видимому, не только вепсы.¹⁹ Данные топонимии позволяют наметить и основные пути и этапы освоения вепсами обширной территории Межозерья. Очевидно, оно началось с южного Присвирья, откуда продвигалось на верховья Колпи и Лиди, Онежско-Белозерский водораздел и Белозерье, а также в северное Присвирье.²⁰ Вепское прошлое территории Онежско-Ладожского перешейка подтверждается убедительными вепскими элементами в языке карел-ливвиков и особенно карел-людиков, свидетельствующими о том, что вплоть до карельской экспансии, начавшейся в Восточном Приладожье и на Онеж-

¹⁷ Аристэ П. Указ. соч. С. 16.

¹⁸ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа. Петрозаводск, 1947. С. 16—17.

¹⁹ См. обзор литературы об основных этнических интерпретациях летописной чуди: Ligi P. Tsuudid ajalokirjanduses//Keel ja kirjandus. 1980. Lk. 610—616. — Об этимологии слова *чудь* (*чухна*, *чухарь*) см.: Этнонимы/Отв. ред. В. А. Никонов М., 1970. С. 194—202.

²⁰ Муллонен И. И. Этноисторические мотивы топонимии Межозерья//Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.). Петрозаводск, 1991. С. 188—189 (Приложение).

ско-Ладожском перешейке с XIII в., эта территория осваивалась вепсами, сыгравшими решающую роль в формировании языка южной Карелии.²¹

Отдельные вепские островки поселений на Онежско-Белозерском водоразделе и в северо-западном Белозерье представляют собой, вероятно, остатки бывшего вепского населения этой территории.²² В то же время Белозерье — это своеобразная окраина вепского ареала: наряду с прибалтийско-финскими элементами в лексике и топонимии этой территории сохраняется мощный невепский элемент,²³ оставленный представителями прибалтийско-финско-саамской языковой общности. Проникая на водораздел между Онежским и Белым озерами и в Белозерье из Приоятья и смежных территорий, о чем свидетельствует сходство говоров Приоятья и Белозерья, вепсы соприкоснулись с носителями этой праязыковой ветви, и здесь субстрат прибалтийско-финско-саамского типа ощущается значительно более мощно, в отличие от территории юго-восточного Приладожья, где он был поглощен вепским языком, так что следы его сохранились лишь в топонимии саамского типа.²⁴

Лексические данные свидетельствуют о том, что вепсы распространялись и в восточное Обонежье, и далее в Заволочье. В свое время Д. В. Бубрих предполагал, что основной путь распространения вепсов в Заволочье, отмеченный топонимией вепского происхождения, пролегал через бассейны рек Водлы и Онеги на Северную Двину.²⁵ В дальнейшем, однако, признавая бесспорным наличие мощного прибалтийско-финского элемента в топонимии Архангельской области (от границ Карелии вплоть до бассейна Северной Двины и даже Мезени), исследователи проявляли определенную осторожность в более конкретной этнической интерпретации, поскольку прибалтийско-финская топонимия и лексика Заволочья, наряду с бесспорно вепскими чертами, сохраняет признаки других прибалтийско-финских языков. Наиболее насыщены прибалтийско-финской то-

²¹ Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty//Virittäjä, 1971. S. 153—182; Turunen A. Raja-Karjalan murteet ja vepsän kieli//Kalevalaseuran Vuosikirja. 1973. N 53. S. 83—94.

²² Матвеев А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований//Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 77. Рут М. Э. Вепские географические термины в русской апеллативной лексике и топонимии Вытегорского района Вологодской области//Ономастика Европейского Севера СССР/Отв. ред. Г. М. Керт. Мурманск, 1982. С. 21—23.

²³ Субботина Л. А. Заимствования в географической терминологии Белозерья: Автореф. канд. дис. Томск, 1985.

²⁴ Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988. С. 74—84.

²⁵ Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа//Прибалтийско-финское языкознание/Отв. ред. Г. М. Керт. Л., 1971. Вып. 5. С. 10—11.

понимией Нижняя Онега, Онежский полуостров, район к западу от Онеги, особенно Кенозерье,²⁶ однако отдельные пятна ее встречаются вплоть до границы с Коми.²⁷

Исследование этнической истории карел вызывает не меньший интерес ученых, хотя представляет и немалые трудности.

Историю формирования карельского народа наиболее обстоятельно на основе анализа обширных диалектологических данных изложил Д. В. Бубрих.²⁸ И хотя в ней недостаточно освещены самый ранний и позднейший ее этапы, концепция Д. В. Бубриха, определенным образом уточняемая и конкретизируемая с учетом новейших языковых данных, в настоящее время в основном поддерживается исследователями. Согласно ей центром поселения древней корелы являлось северо-западное Приладожье.

От существовавшей до начала нашего тысячелетия единой карельской языковой общности очень рано отпочковалась ижора (ижорцы — *inkerit*), перебравшись на берега р. Невы и получив свое название, как считают некоторые исследователи, от названия одного из ее притоков. Расширяя территорию обитания вдоль южного берега Финского залива, ижора постепенно ассимилировала местных жителей этих земель — водь, которая представляла собой такое же отпочкование от северных эстов, как ижора от корелы.

Выделялась еще одна группировка карел на Карельском перешейке — зуремейцы (*äurämöiset*) из Эурепяя (*Äugārää*) — современное Барышево, — которая по языку и происхождению была близкородственна ижоре.²⁹

Что касается западной части Карельского перешейка, то она оставалась пустынной до XII в., и лишь появление на восточном берегу Финского залива германцев-торговцев оживило этот край, привлекая сюда в основном выходцев с юга — ижорцев.³⁰

Тем не менее при освоении древней корелой жизненных пространств прежде всего выделяется именно северо-западное направление. На западе ее представители доходили до берегов р. Кеми, но их первая постоянная колония к западу от основного места обитания возникла в X в. в районе Саволахти (Саволак), где карельские переселенцы встретились с представи-

²⁶ Матвеев А. К. Древнее саамское население... С. 6—8.

²⁷ Туркин А. И. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексике. Таллинн, 1985. С. 14—15.

²⁸ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947; Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа... С. 3—22.

²⁹ Лаанест А. Ижорский язык. Таллинн, 1980.

³⁰ Лескинен Х. Карелы и саво с точки зрения исследователя языка// Происхождение Карелии. Доклады семинара. 30.6—2.7.1976 г. Йоэнсуу, 1976. С. 143—144; Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. С. 211—260.

телями проживавшего здесь племени хяме, в результате чего возникло новое формирование — карелы саво (савокоты), или присайменские карелы. Кроме них, отмечена также прибалтийская корела (у Ботнического залива). Таким образом, говоря словами Д. В. Бубриха, уже в XI—XII вв. древняя корела была хозяйкой на довольно обширной территории от Ботнического залива (р. Пюхайоки) до Финского залива (р. Кюмийоки), включая и обособившуюся на грани XI—XII вв. в устье р. Не-вы Ижору.³¹

Экспансия карел шла не только в северо-западном направлении, но и к северо-востоку от Приладожья — в нынешнюю Карелию, Беломорье и далее. И, наконец, еще одним направлением продвижения карел в те далекие времена был Олонецкий перешеек, место обитания древней веси. Причем на все эти «передвижки» корелы, на судьбы ее, как и ряда других прибалто-финнов, входивших с XII в. в состав русского государства, оказало влияние то, что их земли в течение многих веков (XII—XVII) являлись ареной борьбы между Россией и Швецией за право обладания ими. После Ореховецкого мира (1323 г.), закрепившего власть шведов в Приладожье, часть корелы (присайменская и привыборгская) оказалась по ту сторону государственной границы и вошла затем в состав финского народа. Ижорцы, остававшиеся в рамках русской государственности, были оторваны от своих ближайших родственников — зуремейцев. Правда, контакты между ними все же поддерживались вплоть до окончательного сложения ижорского языка в XVII в.³²

По Тязвинскому миру (1595 г.) к Швеции отошла и северная Приботния, а после Столбовского мира (1617 г.) вся бывшая территория корелы надолго оказалась под властью шведов. Карелы, будучи православными и не желая терпеть гнет шведов-лютеран, предприняли массовый исход на новые для них земли русского государства. Так, часть карел, обогнув с севера Ладожское озеро, уже проторенными в более ранние времена путями, переселилась на Олонецкий перешеек. В результате их смешения с проживавшими здесь вепсами образовалось два диалекта карельского языка: ливвиковский, распространившийся вблизи Ладожского озера и испытавший на себе меньшее влияние вепской языковой стихии, и людиковский — на узкой полосе вдоль западного побережья Онежского озера — с сильным влиянием вепского языка.

Другая часть карел переселилась в среднюю и северную Карелию, в какой-то степени уже освоенную ими ранее. Как пишет Д. В. Бубрих, первые упоминания о карелах средней и северной Карелии относятся к рубежу XIV—XV вв., хотя в про-

³¹ Бубрих Д. В. Русское государство... С. 17—18.

³² Лаанест А. Ижорский язык. Таллинн, 1980.

мысловом отношении эти территории несомненно осваивались карелами гораздо раньше. Примерно к этому же периоду относятся временные поселения карел на побережье Белого моря (от р. Варзуги на Кольском полуострове до Никольско-Карельского монастыря в низовьях Северной Двины), но постепенно карелы были вытеснены с побережья в глубь материка появившимися здесь русскими.³³ Языковые данные свидетельствуют об имевших здесь место разнообразных контактах карел как с саамами, среди которых постоянные поселения карел появились не позднее XIII в., так и с коми-зырянами в еще более ранний период — VIII—XII вв.³⁴

Группы карел возникли с XVII в. также на территории современных Ленинградской (тихвинские карелы), Новгородской (валдайские карелы) и Тверской (тверские карелы) областей. Это все так называемые собственно карелы, фактически не испытавшие влияния вепского языка в отличие от карел, заселивших Олонецкий перешеек.

На опустевшие в результате этих «исходов» карел земли Приладожья шведы переселяли финнов (в основе своей финнизированное карельское население: присайменская и привыборгская группы карел и карелы из Кайну). На ижорских землях в XVII в. поселились группы савокотов и зурямейцев. Таким образом, у нового населения прежних карельских земель — Карельского перешейка — была все-таки языковая основа древней корелы.

Следовательно, современные диалекты карельского языка — довольно позднее образование. Нелишне будет заметить, что при их выделении у советских и финляндских ученых имеются расхождения: лудиковские говоры финны не относят к карельскому языку, при этом они исходят только из лингвистических данных без учета этнической истории и этнического самосознания самих носителей этих говоров.

Ученых давно интересовал ливвиковский говор карельского языка с его явно вепскими чертами,³⁵ но на основании только лингвистических данных (фактов) вопрос о том, кто населял Олонецкий перешеек в IX—XII вв., оставив после себя захоронения в виде курганов — древние вепсы или карелы, — до конца не решен.³⁶ В ряде работ, посвященных описа-

³³ Бубрих Д. В. Русское государство... С. 17.

³⁴ Корхонен М. Карельско-саамские связи в свете лингвистических данных//Происхождение Карелии... С. 103; Вилкуна К. Карелия и пермь/ Там же. С. 123.

³⁵ Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselajismurteiden synty. S. 153—185; Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen//Советское финно-угроведение. 1972. № 1. С. 7—27.

³⁶ Баранцев А. П. К вопросу о происхождении южнокарельских диалектов//Происхождение Карелии... С. 85—100.

ниями отдельных говоров карельского языка, авторы касаются также вопросов их происхождения, чаще, однако, в самых общих чертах.³⁷

Значительный потенциал для реконструкции былой картины прибалтийско-финского и саамского освоения Европейского Севера содержат также и материалы русских говоров, вобравших в себя финноязычный субстрат. Очевидность последнего на обширных ныне русских территориях к северу от верховьев рек Великая, Ловать, Волга, Днепр и Западная Двина не подлежит сомнению.³⁸ В верховьях этих рек проходит южная граница финно-угорской топонимии.³⁹ Данные русской лингвистической географии позволяют глубже наметить те отдельные группы прибалтийско-финских диалектов, те ареалы, которые уже наверняка сложились к моменту прихода славян. Перечислим эти ареалы: 1) противопоставление западных и восточных севернорусских диалектов с границей по Шексне, озерам Воже, Лача, реке Онеге; 2) обособление группы говоров Поволховья, по Свири, Ояти, Паше, Сяси на восток до Белозерья, изредка захватывая Каргополье (здесь особо выделяются изоглоссы, огибающие и обособляющие Онежское озеро с юга, востока и северо-востока); 3) достаточно резкое противопоставление говоров Верхнего Посвирья вместе с диалектами вокруг Онежского озера говорам нижней Свири, по Ояти и говорам к югу от Свири; 4) противопоставление говоров к северу и к югу от низовьев Паши, Кондеги, верховьев Капши; 5) обособление Заонежья, Пудожья (Пудожье при этом в основном тяготеет к реке Онеге); 6) резкое обособление Заонежья и выделение в Заонежье двух зон — западной и восточной (толвуйско-кузарандской); 7) Белозерье; 8) противопоставление говоров верхней и средней Луги говорам по реке Луге ниже Большого Сабска; 9) противопоставление говоров нижнего течения Плюссы, Причудья, Понаровья говорам верхей Плюссы и западного Прильменя, 10) резко обособляется зона к северу от линии г. Кингисепп (б. Ямбург) — Кикеринно — Тосно — бассейн р. Мги; особенно Курголовский полуостров и мыс Колгомпя. По-видимому, основные типы этих локальных зон сложились за-

³⁷ См. библиографию по карельскому языку в кн.: 1) Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. С. 106—134; 2) Советское финно-угроведение 1980—1984. Материалы к VI Международному финно-угорскому конгрессу. Сыктывкар, 1985.

³⁸ Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза//Советская этнография. 1985. № 6. С. 30.

³⁹ Агеева Р. А. Гидронимия Русского Севера как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

долго до прихода славян, а некоторые из них еще в эпоху до нашей эры.⁴⁰

С накоплением подобных материалов и исследований можно будет многое уточнить и пересмотреть в вопросах этнической истории нерусского населения Русского Севера.

⁴⁰ Герд А. С. К истории образования говоров Поволховья и южного Приладожья//Севернорусские говоры. Вып. 5/Отв. ред. А. С. Герд Л., 1989. С. 146—172; Герд А. С., Лебедев Т. С. Экспликация историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси//Советская этнография. 1991, № 1. С. 73—85.

В. П. СТРОГОВА

КУЛЬТУРА БЫТА НОВГОРОДЦЕВ

(по данным новгородских памятников письменности
и современных говоров)

Значение Новгорода как древнейшего очага русской культуры непреходяще. Новгород славен древней письменностью. Мы можем познакомиться и с живым языком средневекового новгородца, читая берестяные грамоты.

Ценным источником для познания истории, быта является и диалектное (народное) слово современников — жителей сельской местности, представляющее собою неотъемлемую часть национальной культуры, самосознания.

Известно, что материальный строй русского народного быта, о чем неоднократно писали этнографы, историки, уходит своими корнями в глубокую древность, и уже в X—XI столетиях были заложены все основы русской народной культуры.

Предметы бытовой культуры выделяли новгородцев издавна. В легенде о путешествии апостола Андрея Первозванного так изображено мытье в бане у новгородцев: «... Дивно видѣхъ Словеньскую землю идучи ми сѣмо. Видѣхъ бани древены, и пережгутъ е рамяно, и совлокутъся и будутъ нази, и облѣются квасомъ уснянымъ, и возьмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва слѣзуть лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако ожнуть. И то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовенья собѣ, а не мученья». ¹ Такой обычай мыться в бане сохраняется, по сути дела, до наших дней в деревнях Новгородской области

Названия бани — помещения, где моются, в древнем Новгороде различны: это *баня*, *мыльня*, *пърть* (*переть*). Наряду с частными банями в Новгороде были и общественные. Об од-

© В. П. Строгова, 1995

¹ Повесть временных лет: В 2 ч. Ч. 1/Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.: Л., 1950. С. 12.